

М. И. Бондаренко

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В РОМАНАХ Р. Р. ГРЕЙВЗА «Я, КЛАВДИЙ» И «БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДИЙ»

Историческая диалогия Р. Грейвза создана в форме автобиографии императора Клавдия. Как ученый-историк, он является максимально удобной для биографического автора маской повествователя в историческом романе. Грейвз излагает собственную философию истории, в которой акцентируется проблема «человека в истории». Полярными примерами государственных деятелей и их роли в историческом процессе предстают в романе Клавдий и Ливия. Интерес Грейвза к фигуре Клавдия обусловлен и единственным военным походом императора в Британию, успех и «бескровность» которого понимаются автором романа как главная заслуга римского императора.

Ключевые слова: *исторический роман, философия истории, маска повествователя.*

Интерес английского писателя и поэта Роберта Ранке Грейвза к истории можно считать в некоторой степени «наследственным» фактором. Так, в своей автобиографии он отмечал: «Мой прадед Леопольд фон Ранке, которому я кое-чем обязан, был историком. Он писал, шокируя своих современников, «я – историк в большей степени, чем христианин; моя цель – обнаружить, как на самом деле все происходило» [1, с. 4]. Фактически это намерение и станет впоследствии основой исторического метода Грейвза. Обращаясь к хрестоматийным источникам, он всегда будет добиваться точного воплощения собственной идеи «как это было». Часто, чтобы избавиться от чрезмерной категоричности, данная формула благодаря включению в текст фигуры рассказчика будет смягчена до «как это могло бы быть». Эту особенность художественного мировоззрения Грейвза в значительной степени иллюстрирует один из его ранних романов – «Настоящий Дэвид Копперфильд» (1933), своего рода переложение (значительно сокращенное) текста Чарльза Диккенса. Обращаясь к античной истории, к фигуре императора Клавдия, не пользующегося большим вниманием у историков, Грейвз также был намерен представить свою версию, какими были сам Клавдий и его правление. Подобный подход к постановке проблемы и ее решению в романах Грейвза отсылает нас к «Поэтике» Аристотеля: «Ибо историк и поэт отличаются друг от друга не тем, что один пользуется размерами, а другой нет: можно было бы переложить в стихи сочинения Геродота, и тем не менее они были бы историей как с метром, так и без метра; но они различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй – о том, что могло бы случиться. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит более об общем, история – о единичном» [2, с. 35–36].

Грейвзу в исторической прозе удастся органично совместить художественный и исторический нарратив, не умаляя их «философичности», так как в его текстах (в данном случае речь идет в первую оче-

редь о диалогии о Клавдии) представлены реальные исторические фигуры. То есть, ссылаясь на Аристотеля, можно продолжить: «Общее состоит в том, что человеку такого-то характера следует говорить или делать по вероятности или по необходимости, – к чему и стремится поэзия, давая (героям вымышленные) имена; а единичное, например, что сделал Алкивиад или что с ним случилось» [2, с. 36].

В предисловии к роману «Божественный Клавдий» (1935) – и это станет обычной для писателя практикой в последующих исторических романах – Грейвз писал: «Некоторые критики, говоря о книге «Я, Клавдий» (1934), предшествовавшей «Божественному Клавдию», высказывали мнение, будто, работая над ней, я почерпнул нужные мне сведения только в «Анналах» Тацита и «Жизни двенадцати цезарей» Светония, сплавив их вместе, а все остальное – плод моего «мощного воображения» [3, с. 3]. На самом деле, как далее указывает Грейвз, историография его работы более чем обширна. Как исторического романиста его отличает доскональное исследование фактографического материала и внимание к деталям, хотя в основе сюжета романа может лежать субъективное представление Грейвза о человеке или событии. Писатель позволяет себе, как правило, реконструировать события, исходя из общего замысла собственного текста. Диалогия об императоре Клавдии – очередное тому подтверждение.

«Я выбрал Клавдия по ряду причин. Первая: он был прежде всего историком и жил в эпоху, когда защита морали, религии, патриотизма ушла на запад. <...> Лучшее, что он мог сделать, – быть историком и сохранить историческую правду» [4, с. 256]. Грейвза интересует Клавдий и как «человек истории», т. е. историк, и как «человек в истории», как один из римских императоров, причем не самый однозначный. «Диалогия о Клавдии – академическая или историческая в общепринятом смысле книга. Грейвз демонстрирует свое собственное видение собранных фактов» [4, с. 229]. С М. Сеймур-Смитом сложно не согласиться, поскольку историки

античности оставили далеко не лестные отзывы о периоде правления Клавдия. Будучи знакомым с сатирой Сенеки «На смерть императора Клавдия», где автор гиперболизирует слабоумие императора и называет его пародией на правителя, Грейвз данный известный факт обыгрывает в романе так, как ему удобно.

Еще в юношеские годы Клавдий получил от своего учителя истории Поллиона совет утрировать свои физические недостатки: «Подчеркивай свою хромоту, нарочно заикайся, почаще делай вид, что ты болен, болтай чепуху, трясги головой и дергай руками на всех официальных и полуофициальных церемониях. Если бы ты мог видеть то, что открыто мне, ты бы знал, что это – твой единственный путь к спасению, а в дальнейшем и к славе» [5, с. 109]. С одной стороны, эти слова, приводимые Клавдием, утверждают в романе мотив маски, за которой будет скрываться протагонист. С другой – здесь Клавдий в очередной раз намекает на пророчество, в которое он скорее верит, чем нет. Уже в первой главе будущий император Рима цитирует слова сивиллы:

Десять лет промчат стремглав
Дар получит Клав-Клав-Клав.
Он не рад ему, и прав:
Вкруг себя собравши знать,
Будет мямлить и мычать –
Что с придурочного взять...
Но пройдут за годом год
Лет, так, тыща девятьсот –
Всякий речь его поймет [5, с. 16].

Великое будущее Клавдия было предсказано и главным авгуром. Как комментирует сам герой, этому мало кто верил. Тем интереснее отношение Клавдия к пророчеству о своем великом будущем. О собственной незначительности и крайне шатком положении он говорит в первой книге очень часто, даже слишком часто. «А вот бедного Клавдия это ввергло в глубочайшее горе, потому что у бедного Клавдия времени для размышлений было хоть отбавляй. Бедному Клавдию часто трудно было найти, чем занять свой ум» [5, с. 164]. Почти постоянный эпитет «бедный» применительно к себе – это не столько особенность стиля Клавдия, сколько свидетельство его тщеславия. «Стоит тебе проявить слабость, Клавдий, и употребить метафору, что, правда, бывает редко, как ты заходишь слишком далеко. Ты ведь не забыл предостережений Афинодора? Ну ладно, назови Сеяна червем и на этом кончай – пора вернуться к твоему обычному непритязательному стилю» [5, с. 266]. Заметим, что подобная самооценка будет свойственна жизнеописанию Клавдия только в романе «Я, Клавдий», т. е. до провозглашения его императором.

Вопреки некоторым историкам (Тациту и Светонию, например) Грейвз высоко оценивает не только организаторские способности Клавдия, но и его эрудицию и ум. В романе «Я, Клавдий» на первый план выходит формирование взглядов Клавдия-историка. Постепенно читатель видит, что у будущего императора складывается собственный исторический метод, своя философия истории как науки. И это понимание героем основ исторического повествования есть концепция самого автора: «...как все честные римские историки, я пишу „от яйца до яблок“, я предпочитаю наш тщательный метод, при котором ничто не упускается, методу Гомера и прочих греков, которые кидаются в гущу событий, а уж оттуда идут вперед или назад, как им вздумается» [5, с. 34].

Одним из учителей Клавдия был Афинодор, сказавший ему на первом же занятии, что «будет учить не фактам, ведь факты я и сам могу узнать, где угодно, а умению правильно их изложить» [5, с. 63]. Взгляды Грейвза на историческую прозу переданы через утверждения Клавдия. В IX главе происходит примечательный спор двух авторитетных историков того времени: Поллиона и Ливия. Юный Клавдий явно на стороне Поллиона, утверждавшего, что «поэзия – это поэзия, риторика – это риторика, а история – это история, и смешивать их нельзя» [5, с. 101]. Ливий, вовлекая Клавдия в дискуссию, задает сакраментальный вопрос: «Как надо писать историю?» Не желая никого обидеть, Клавдий отвечает: «Я уверен, что мне и надеяться нечего достичь изящества стиля Ливия, поэтому я лучше попытаюсь подражать точности и усердию Поллиона» [5, с. 104].

Позже, в разговоре со своей бабкой Ливией, Клавдий еще раз конкретизирует свои взгляды на историю: «Я хочу одного: знать истину. Я – профессиональный историк, и единственное, что меня понастоящему интересует, это как происходит то или иное и почему. Я пишу историю, скорее, чтобы самому получить сведения, нежели сообщать их читателям» [5, с. 275]. О тщеславии Клавдия-человека и историка говорит и следующая цитата: «Бюсты Геродота, Полибия, Фукидида и Азиния Поллиона смотрели на меня со своих постаментов. Их бесстрастные черты словно говорили: «Настоящий историк должен быть выше политических смут своего времени. Я решил вести себя как настоящий историк» [5, с. 371].

Роман «Я, Клавдий» заканчивается почти фарсовой сценой «избрания» Клавдия императором. «Меня заставили надеть золотой веночек Калигулы из дубовых листьев, отнятый у одного из мародеров. Чтобы не упасть, я крепко вцепился в плечи капралов. Веночек то и дело сползал на ухо. Я чувствовал себя дурак дураком. Говорят, я был похож на пре-

ступника, которого ведут к месту казни» [5, с. 375]. В этот момент, если исходить из комментария Клавдия, в нем побеждает тщеславный писатель-историк. О себе как о государственном деятеле он и не думает. «Так, значит, я – император. Какая чепуха! Но теперь я по крайней мере смогу заставить людей читать мои книги. Стану устраивать публичные декламации для больших аудиторий. Книжки-то неплохие, на них ушло тридцать пять лет тяжелого труда. <...> В моей «Истории Карфагена» полно занимательных эпизодов. Я уверен, что она всем понравится» [5, с. 375].

В романе «Божественный Клавдий» раскрывается уже в большей степени тщеславие человека и императора. Ампула ученого мужа меняется на роль правителя. Название романа – это не только отражение реалий Рима (прижизненное обожествление императоров), но и свидетельство растущей самоуверенности Клавдия. Однако пока маска «маленького человека» и самоуничижительный тон еще остаются. «41 г. до н. э. Прервал я свое повествование по одной единственной причине – я пишу не столько, чтобы сообщить об исторических событиях, сколько желая попросить прощения за то, что позволил себе стать монархом римского мира» [3, с. 7].

Здесь Грейвза интересует второй аспект «историчности» его героя: человек в истории. Став первым лицом государства, Клавдий осознает свою зависимость от истории и обстоятельств. Неоднократно в своем жизнеописании он признавался в республиканских взглядах, мечтая о возрождении в Риме республики, как того желал и его отец. «Во второй части наибольшее напряжение связано с размышлениями Клавдия о пути развития Рима: республика или тирания. Клавдий – один из великодушных императоров: созидатель, а не разрушитель. Клавдию не удастся возродить республику. Империя – политическая реальность, старая республика – мечта» [6, с. 53].

Теперь, будучи не столько историком, сколько государственным деятелем, Клавдий констатирует невозможность подобного реформирования. Однако он легко адаптируется к предлагаемым обстоятельствам. Так, если раньше, будучи сторонним наблюдателем, он осуждал существовавшую в Риме традицию устраивать императору или полководцу триумф за знаменательную и важную для государства победу [5, с. 58], то после покорения бриттов ожидает соответствующих почестей от Сената. «По-моему, на всем свете нет ничего, что превзошло бы великолепием римский триумф» [3, с. 268]. Несмотря на нескрываемое тщеславие императора, очевидно, что для автора романа как для человека, прошедшего войну, Клавдий потому и стал наиболее интересной фигурой античности, что одержал победу «малой кровью», получив за

это гражданскую корону с надписью «За спасение жизней своих сограждан» [3, с. 265]. Грейвз в отличие от многих историков считает это едва ли не главной заслугой своего героя.

В автобиографии Клавдия предстает еще один очень значимый для Грейвза образ «человека в истории» – вторая жена императора Октавиана Ливия, бабка Клавдия. «Роман „Я, Клавдий“ представляет фигуру, доминирующую в тексте, – Ливию» [6, с. 50]. Именно она является истинной правительницей Рима. Она вершит историю, избавляясь от неудачных, по ее мнению, претендентов на трон из числа наследников Октавиана. Клавдий один из немногих, кому известны преступления Ливии. Безопасность самому Клавдию гарантируют предсказания о его предназначении быть императором, в которые, как и в судьбу, верит Ливия. Она признается внуку в своих злодеяниях, среди которых и убийство отца Клавдия. У Ливии, как у человека, вершившего судьбу Рима, есть и своя правда, своя философия власти. «Я совершила много дурных поступков – без этого великому человеку не обойтись. Для меня благо империи было превыше любых личных соображений. Чтобы спасти ее от раскола, мне пришлось пойти не на одно злодеяние. <...> А что может быть достойной наградой для правителя, который совершает подобные преступления на благо своим подданным? Достойной наградой – и это само собой очевидно – может быть только одно: обожествление» [5, с. 274]. Мотивация действий Ливии не столь однозначна. Думая о Риме, она не забывала и о мести: ее отец, Клавдиан, был объявлен Октавианом вне закона и покончил с собой [5, с. 277]. Стремление быть божеством обусловлено и простым человеческим страхом. Ливия полагает, что если она не обретет статус богини, то ей уготована участь всех преступников: быть в преисподней, где ее ждут «самые ужасные и изощренные муки» [5, с. 268].

Противопоставление Клавдия и Ливии как «государственных людей» – один из аспектов представляемой автором в романе философии истории. Ливия являет собой тип политика, идущего к своей цели не считаясь ни с чем. Она искренне полагает, что убивает во имя благополучия страны. От действий Ливии зависит, каким будет Рим. Она из тех, кто делает историю, подчиняя события своей воле. Эпизод откровенного разговора с Клавдием, когда Ливия берет с него клятву обожествить ее, заканчивается получением будущим императором собрания пророчеств, книги о «Череди лохматых», из которой явствует, что Клавдий будет пятым Цезарем [5, с. 277]. Добиваясь нужного ей обещания, Ливия (это нисколько не противоречит ее характеру) могла сама ее и написать. Клавдий – историк, эрудит, человек с сознанием не политика, а ученого.

Он – «ведомый» историей. Женившись на Мессалине, которая в мастерстве интриг мало уступала Ливии, Клавдий передоверяет ей право принимать ряд важных решений. Создается впечатление, что масштаб возникающих ситуаций, требующих его вмешательства, пугает Клавдия, и он с готовностью отказывается от многих своих функций, предпочитая писать историю, а не творить ее.

Среди исторических романов Грейвза диалогия о Клавдии занимает особое место, потому что именно в этом тексте писатель наиболее последовательно раскрывает свое видение поэтики жанра. Стиль автобиографии римского императора обусловлен родом его основной деятельности – историографией. В романе Клавдий является, с одной стороны, беспристрастным повествователем, излагая факты и крайне редко выражая свое личное к ним отноше-

ние. С другой стороны, что немаловажно для рассказчика в историческом романе, он сам в той или иной степени связан с описываемыми событиями: как очевидец или непосредственный участник.

Таким образом, Грейвз выбирает органичную форму и убедительного повествователя для изложения собственной философии истории. На примере Древнего Рима автор показывает амбивалентный характер исторического процесса. Ливия и Клавдий являются «разнополюсными» примерами «человека в истории»: первая своей волей стремится свести к минимуму эффект случайности, второй – зависим от стечения обстоятельств (вспомним эпизод провозглашения Клавдия императором), предпочитая существовать не в реалиях, а в их отражении в истории. Если Ливия вершила историю, то Клавдий – ее писал.

Список литературы

1. Graves R. *Goodbye to all that*. L.: Penguin books, 360 p.
2. Аристотель. *Поэтика*. В.: Азбука-классика, 2007. 352 с.
3. Грейвз Р. *Божественный Клавдий*. М.: Терра, 1998. 416 с.
4. Seymour-Smith M. *Robert Graves: his life and work*. L.: Abacus, 1983. 624 p.
5. Грейвз Р. Я, Клавдий. М.: Терра, 1998. 400 с.
6. Mehoke J. S. R. *Graves: Peace – weaver*. Mouton, 1975. 168 p.

Бондаренко М. И., кандидат филологических наук, доцент.

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт.

Ул. Зеленая, 30, Коломна, Московская обл., Россия, 140411.

E-mail: bond0713@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 17.12.2014.

M. I. Bondarenko

THE PHILOSOPHY OF HISTORY IN THE R. GRAVES'S NOVELS "I, CLAUDIUS" AND "CLAUDIUS THE GOD"

The historical novels about Claudius were created by Robert Graves in the form of the autobiography. Claudius as a historian is very suitable figure for the author. Graves states his own philosophy of history, which deals with the problem of existence of the person in history. Livia and Claudius are the different types of politicians. The Claudius's mentality is the mentality of a scientist. He thinks about the results of his actions: Claudius is an example of a reflective type of consciousness. Livia prefers to create the history, but Claudius – to write about it. In spite of this fact, Claudius is important for Graves because of his bloodless victory in Britain.

Key words: *autobiography, philosophy of history, mask of the narrator, historical prose.*

References

1. Graves R. *Goodbye to all that*. L., Penguin books, 360 p.
2. Aristotel. *Poetika* [Poetics]. V., Azbuka-klassica Publ., 2007. 352 p. (in Russian).
3. Graves R. *Bozhestvenny Klavdiy* [Claudius the God]. Moscow, Terra Publ., 1998. 416 p. (in Russian).
4. Seymour-Smith M. *Robert Graves: his life and work*. L., Abacus, 1983. 624 p.
5. Graves R. *Ya, Klavdiy* [I, Claudius]. Moscow, Terra Publ., 1998. 400 p. (in Russian).
6. Mehoke J. S. R. *Graves: Peace – weaver*. Mouton, 1975. 168 p.

Bondarenko M. I.

Moscow State Regional Social-Humanitarian Institute (Kolomna).

Ul. Zelenaja, 30, Kolomna, Moscow region, Russia, 140411.

E-mail: bond0713@rambler.ru